

ГУЛЬНАРА МОНЕРОВНА АЛТЫНБАЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5168-7138; altynbaevagm@sgu.ru

«НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КРЕДО ПИСАТЕЛЯ

А н н о т а ц и я . Цель статьи – показать, что «Нобелевская лекция» (1972) А. И. Солженицына является эстетическим ключом к его творчеству. Новизна заключается в том, что впервые «Нобелевская лекция» рассматривается как центральное звено метатекста писателя. В работе проводится сопоставительный анализ «нобелевских» высказываний Солженицына, фрагментов его публицистических выступлений, дневника и художественных текстов, написанных до и после присуждения Нобелевской премии. Автор статьи, изучая эстетику Солженицына, показывает, как собственное «теоретическое» понимание стоящих перед литературой задач писатель применяет при оценке творчества других художников. Всемирность и субъективность солженицынских критериев неразделимы: художественный опыт писателя до и после «Нобелевской лекции» един в последовательном осуществлении заявленного кредо, многообразен, глубок, прогностичен эстетически и исторически. Материалом работы послужили публицистика, художественные тексты и дневник Солженицына. Проведенное исследование важно для понимания художественных принципов писателя, его метапоэтики и может помочь при изучении его феномена студентами, исследователями, рядовыми читателями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : А. И. Солженицын, «Нобелевская лекция», «Дневник Р-17», этика и эстетика писателя, метапоэтика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Алтынбаева Г. М. «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына как эстетическое кредо писателя // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 20–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.781

ВВЕДЕНИЕ

В 1970 году Александру Исаевичу Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе «за нравственную силу, с которой он продолжает великую традицию русской литературы» [1: 192]. Описывая сложную ситуацию с процедурой получения Нобелевской премии, Солженицын в «очерках литературной жизни» признается: «Со мной торжество – не торжество, мученье – не мученье, но суматошная разработка потянулась два полных года»¹. Действительно, невозможность присутствовать на церемонии присуждения Нобелевской премии в Стокгольме дала возможность писателю обстоятельно продумать свою программную речь. Из «Дневника Р-17» мы узнаем, насколько детально готовился нобелевский текст, который писатель назвал кульминацией 50-летнего жизненного опыта:

«... лекцию разрешил себе уже второй десяток раз перечитывать и перечитывать – с перерывами, с оглаживанием

каждого слова и, где удастся, фонетики, – и чувствую: какая же получилась!» (запись от 20 декабря 1971 года)².

К весне 1972 года «Нобелевская лекция»³ была закончена и благодаря журналисту Стигу Фредриксону [6] переслана в Швецию для опубликования. И, спустя еще два года, только по причине высылки из СССР, 10 декабря 1974 года Солженицын лично получил Нобелевскую премию и произнес «Слово на Нобелевской церемонии», отметив важность награды:

«Она помогла мне не быть задавленному в жестоких преследованиях. Она помогла моему голосу быть услышанному там, где моих предшественников не слышали и не понимали десятилетиями. Она помогла произвести вовне меня такое, чего б я не осилил без нее»⁴.

Для Солженицына, на себе испытавшего трудности судьбы писателя («изгнанием оказавшись на Западе»), нобелевское мировое признание стало «пружинным подспорьем в <...> пересилке советской власти»⁵.

Хорошо зная судьбу русских писателей и историю русской литературы XX века, нобелевский лауреат Солженицын укоряет Нобелевскую академию в непризнании высшей награды русским писателям: «...пропустили по меньшей мере Чехова, Блока, Ахматову, Булгакова, Набокова. А в их осуществленном литературном списке – сколько уже теперь забытых имен!»⁶ Только мечта об «объективном высшем литературном мировом судилище»⁷ примиряет Солженицына со «счастливой идеей учредителя» Нобеля.

По признанию Солженицына, «Нобелевская лекция» содержит две основные линии идей, которые определили задачи его как писателя. Первая – нравственно-историческая (судьба России и мировые судьбы). Нобелевская кафедра стала самой высокой трибуной, с которой Солженицын передал «опыт от народа к народу», так как

«наша страна, Россия <...> была ввергнута в такие духовные переживания, в такие духовные тяготы и рост, что имеет сейчас опыт <...> передовой в мире» (Телеинтервью компании NBC. Программа «Встреча с прессой» (13 июля 1975))⁸.

Трагедия своего народа и ответственность за танки и кровь на улицах других стран – нравственная ответственность писателя:

«...писатель – не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, – то бурные пятна навек зашлепали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, – то на ладонях писателя синяки от той веревки. И если юные его сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдают наркотикам или хватают заложников, – то перемешивается это зловоние с дыханием писателя» (30).

Вторая линия, вытекающая из первой и становящаяся главной, – эстетическая. «Нобелевская лекция» – центральная работа Солженицына, в которой представлены ключевые составляющие его эстетических взглядов. В интервью писатель сказал, что в «Нобелевской лекции» он сформулировал принципы своего понимания «роли искусства, как оно может послужить современной жизни» (Телеинтервью японской компании NET-TOKYO (5 марта 1976))⁹, и того, что именно «художественная литература способна передавать чужой опыт» (Выступление по испанскому телевидению (20 марта 1976))¹⁰. Об *особой близости* этики и эстетики у Солженицына точно заметил П. С. Равич:

«...мы имеем перед собой случай, может быть единственный в наше время и редчайший в истории литера-

туры, где эстетика и этика сливаются воедино до того, что создают оригинальную и грандиозную сущность» [5: 133].

Именно эстетическая линия «Нобелевской лекции» является ключом к пониманию писательской позиции Солженицына.

* * *

Нобелевская премия Солженицыну – награда «писателю подневольной страны»¹¹. По его определению, эта премия увенчивает «многолетние усилия отдельных людей, еще укрепляя авторитет этих людей для их последующей деятельности» («Мир и насилие»)¹². Действительно, Солженицын не только заслужил ее, он должен был ее получить, чтобы привлечь внимание всего мира к темам, о которых писал. Именно поэтому он и не отказался от награды, несмотря на сильное давление со стороны советской власти. На нобелевской пресс-конференции, отвечая на вопрос шведского журналиста «о свободе писателя в капиталистическом обществе», Солженицын сказал, что настоящий писатель «всегда свободен, даже и в тюрьме» (Пресс-конференция в Стокгольме (12 декабря 1974))¹³.

На страницах «Дневника Р-17»¹⁴, который Солженицын вел во время работы над «повествованием в отмеренных сроках» «Красное Колесо», писатель часто размышляет о сложности задачи, которую он перед собой поставил в юности. К мыслям о том, как рассказать историю русской революции, добавляются размышления, касающиеся роли писателя-историка в современном ему мире. Часто у Солженицына возникают страхи и сомнения в способностях реализовать задуманное, потому что миссия писателя, согласно его нобелевским суждениям, в строгом сохранении «чувства устойчивой гармонии» (18) даже при извечной дисгармоничности мира, сложности современной разорванной души, непонятливости публики.

Высокую ответственность художника Солженицын связывает прежде всего с силой искусства, с его природой. В «Нобелевской лекции» говорится о великой объединяющей силе искусства: «Искусство растекает даже задохнувшуюся, затемненную душу к высокому духовному опыту» (18).

Вопрос о значении искусства и о его границах, которым открывается «Нобелевская лекция», включает такой аспект, как граница между искусством и игрой. И это одна из важнейших для Солженицына проблем. Возникает разговор задолго до «Нобелевской лекции», еще в ранних рассказах. Примером является спор героев рассказа

«Один день Ивана Денисовича» Цезаря Марковича и X-123 о фильме Эйзенштейна, когда старик – «каторжанин по приговору» – вдруг сердито восклицает: «Кривлянье! <...> Так много искусства, что уже и не искусство»¹⁵. В «Матрённом дворе» главная героиня, услышав по радио голос Шалапина, реагирует: «Чудно поют, не по-нашему. <...> Ладно не нашего. И голосом балует»¹⁶.

В «Нобелевской лекции» Солженицын обращает внимание на попытки заставить искусство соответствовать моде, ожиданиям «независимого духовного мира» (17). Спустя годы писатель назовет это неотставание «от требований класса» «всеобщим обмороком культуры», «игрой на струнах пустоты»¹⁷. А одной из причин этого пути искусства Солженицын считал идеологию. Так, герой двучастного рассказа «Абрикосовое варенье» Писатель (прототип – А. Н. Толстой) убежден, что задача современного писателя – архитектурно «создавать искусство мирового значения»¹⁸, при этом праздник искусства противопоставлен Писателем голой правде.

Не раз на протяжении творческого пути Солженицын дает объяснение природы художественного дара. Определение художника, предложенное Солженицыным в «Нобелевской лекции», безусловно, с нашей точки зрения, по форме и содержанию – «маленький подмастерье под небом Бога» (18). За этой формулой стоят две принципиальные задачи, которые искусство и действительность в XX веке ставили перед художником. Первая – «острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него – и остро передать это людям» (18). Вторая – нести «ответственность за все написанное, нарисованное, за воспринимающие души» (18). Среди героев Солженицына есть два типа художников, которые берут начало в гоголевском лирическом отступлении в VII главе поэмы «Мертвые души»: «счастливые писатели» и «непризнанные писатели».

Первые – Писатель («Абрикосовое варенье»), Галахов («В круге первом»), Авиета («Раковый корпус»).

«Мы представляем себе, что писатель – это сидит где-то там за облаками, бледный лоб, не подойди! А – ничего подобного. Всем радостям жизни они открыты, любят выпить, закусить, прокатиться – и все это в компании. Разыгрывают друг друга, да сколько смеха! Я бы сказала, они именно *весело* живут. А подходит время писать роман – замыкаются на даче, два-три месяца – и, пожалуйста, получите! Нет, я все усилия приложу, чтобы попасть в Союз!»¹⁹

Вторые – их оппоненты, но близкие автору. Это, конечно, эскизы из романа «В круге первом» – историк Нержин («Умный, добрый, бес-

предельно-честный писатель <...> спокойно и откровенно презирующий всякую ложь, взыскующий простоты, очень человечный, гениально-наивный...»²⁰) и художник Кондрашёв-Иванов («в магическом пятиугольнике, где все открывалось и создавалось, все пять вершин были заняты раз и навсегда: две вершины – рисунок и цвет <...> две вершины – мировое Добро и мировое Зло, а пятая – сам художник»²¹).

В «Дневнике Р-17» писатель-историк назван мостом, перекинутым между дореволюционной и советской Россией, мостом над пропастью советских лет, через который проходят история и вся сфера идей, чтобы они не были потеряны для будущего (см. запись от 02.10.1979 года)²².

Очень важно для понимания эстетики Солженицына знать его писательскую «шкалу оценок». В «Нобелевской лекции» говорится о том, что только искусство, литература как «единственный заменитель не пережитого нами опыта» способны совместить все оценки и тем самым «создать человечеству единую систему отсчета – для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого» (24). Искусству, литературе «дана чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации» (25).

При этом и в публицистике, и в прозе писателем поднимается вопрос об ответственности искусства перед людьми и за разьединение. Пример – категоричность Солженицына по отношению к модернизму и постмодернизму. В «Ответном слове на присуждение литературной награды Американского Национального Клуба Искусств» (Нью-Йорк, 19 января 1993) он сказал:

«Сотрясательная революция, прежде чем взорваться на улицах Петрограда, взорвалась в литературно-художественных журналах петроградской богемы. Это – там мы услышали сперва и уничтожающие проклятия всему прошлому российскому и европейскому бытию, и отменение всяких нравственных законов и религий, призывы к сметению, низвержению, растоптанию всей предыдущей традиционной культуры, при самовосхвалении отчаянных новаторов, так и не успевших, однако, создать что-либо достойное»²³.

Солженицын показывает читателю «Красного Колеса», что символисты, их друзья, соратники, гости, осознавая, как под воздействием революции «нервно пульсировал шар Искусства»²⁴, и сами призывая «работать со сверхчеловеческой энергией»²⁵, чтобы «проявить себя с новой силой»²⁶, неосмотрительно соучаствовали в мировом зле. Историческая и нравственная оценка Солженицына непреклонна: они «прежде всего были обязаны перед Искусством, ибо, в конце

концов, его самостоятельный ход часто определяет и всю историю»²⁷.

Проблема ответственности неотделима в эстетике Солженицына от проблемы свободы художника. Личную точку зрения на права и обязанности художника Солженицын в «Нобелевской лекции» заявил так:

«Не будем попира́ть пра́ва художника выражать исключительно собственные переживания и самонаблюдения, пренебрегая всем, что делается в остальном мире. Не будем требовать от художника, – но укорить, но попросить, но позвать и поманить дозволено будет нам. Ведь <...> вместе с талантом положена ответственность на его свободную волю» (26–27).

Писатель выступает против всякого рода жестких ограничивающих рамок, но и против бесконтрольной свободы выражения, он за самоограничение.

В «Дневнике Р-17» рефреном звучит мотив ответственности писателя-историка перед читателем за выбранный им путь рассказать историю русской революции, восстановить связь между эпохами, воссоздать мир прошлого для мира настоящего. Неоднократны в «Дневнике Р-17» обращения к Богу и с благодарностью за чудесное состояние, самое прекрасное на свете, за дар писательства, и с просьбой дать силы выполнить задуманное: довести его до конца, не для себя, а ради справедливости. В записях есть и размышления о чувстве стыда и страха перед потенциальной опасностью не довести до конца книгу о революции. Но материал, неоднократно признавался Солженицын, диктовал, и это всегда определяло форму и ход авторского замысла, а педагогический талант (это качество закреплял за писателем-историком Солженицын) позволял правильно преподносить материал живо, интересно, чтобы запечатлелся в читательском восприятии. Об ответственности перед читателем как одной из важнейших опор для современного автора Солженицын говорит в «Литературной коллекции» (1984–2005) – литературно-критических очерках о русских писателях XIX–XX веков.

В «Нобелевской лекции» Солженицын утверждает, что только в произведениях, «зачерпнувших истины», заложена мера ответственности. Речь идет о трех уровнях ответственности: перед читателем, перед литературой, перед Богом. В этом, с точки зрения писателя, залог силы и влияния словесного искусства. Эталоном высшей ответственности перед литературой для Солженицына является А. С. Пушкин:

«Емкость его мироощущения, гармоническая цельность, в которой уравновешены все стороны бытия: через изведенные им, живо ощущаемые толщи миро-

вого трагизма – всплытие в слой покоя, примиренности и света»²⁸.

Неоднократно в «Дневнике Р-17» говорится о значении А. С. Пушкина для русской литературы.

Ответственность, служение и свобода, по утверждению Солженицына, связаны прямо с такими узловыми понятиями, как правда и достоверность. В «Нобелевской лекции» приводится русская пословица: «Одно слово правды весь мир перетянет» (33). В ней заключена основа творческой деятельности художника, и к этому он призывает писателей всего мира. Н. Д. Солженицына, размышляя о стратегии и тактике Александра Исаевича, говорит: «его стратегия была – *“одно слово правды весь мир перетянет”*» [5: 12].

В художнике Солженицыну особо важна писательская искренность, которая теснейшим образом связана с истинностью. Мысль душевная, идущая от сердца, пронизанная искренностью, импонирует писателю. Это качество он особо подчеркивал в «Нобелевской лекции», говоря, что «произведение художественное свою проверку несет само в себе» (19), потому что произведения, «зачерпнувшие истины и представившие нам ее сгущенно-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно, – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать» (19). Для А. И. Солженицына истина неразрывно связана со свободой, ведь «говорить правду – это значит возрождать свободу»²⁹. В записи «Дневника Р-17» от 03.11.1972 года звучит принципиальная для Солженицына мысль: искусству все равно, вписывается ли оно в реальность, для искусства важно, вписывается ли реальность в рамки законов искусства³⁰. А писатель, благодаря воссоздающей силе воображения, производит что-то не ниже реальности (см. запись от 23.05.1972 года)³¹, цель писателя – охватить взглядом огромные просторы жизни и истории, которые он с помощью интуиции может показать читателю.

Наравне с правдой внутренней Солженицын говорит и о неправде внутренней, называя ее «двоением», «остолбенелым непониманием чужого дальнего горя» (24). В «Нобелевской лекции» он подчеркивает: «...для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью» (24).

Собственное понимание эстетических задач, стоящих перед литературой, Солженицын переводит в устойчивые критерии, по которым на протяжении всей жизни уважительно, но одинаково строго и скрупулезно оценивает творчество других писателей. А «Нобелевская лекция»

стала эстетическим ключом к творчеству Солженицына для пишущей и читающей аудитории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Размышляя о современном искусстве, четко формулируя свое писательское кредо, А. И. Солженицын расширяет его границы от личного полувекового опыта до Божественно-вечных («маленький подмастерье под небом Бога»), глубоко исторических (античное понимание искусства), актуально-исторических (мировое глобальное зрение), политических (судьба России в XX веке, изгнание художника) масштабов. При этом «вечное» назначение искусства актуализируется в особо востребованных временах и переживаемых Солженицыным как личные категории: сближение этики и эстетики, ответственность художника, правда, одно слово которой «мир перетянет».

Всемирность и субъективность солженицынских критериев нераздельны: художественный

опыт писателя до и после «Нобелевской лекции» един в последовательном осуществлении заявленного кредо, многообразен, глубок, прогностичен эстетически и исторически. Об этом в последние годы активно размышляют современные отечественные и зарубежные солженицыноведы [1], [2], [3], [5].

Солженицын после присуждения Нобелевской премии продолжил работу над главным делом своей жизни и в итоге через 50 лет после начала закончил восстанавливать историю русской революции. В «Нобелевской лекции» он настойчиво напоминает нам «о великом благословенном свойстве искусства» (25), своим творчеством доказывает, что, выполняя самую важную задачу писателя – своим даром ответственно вести читателя к высокому духовному опыту правды, можно реализовать это в полной мере. Его писательское доказательство любви к России – десять томов «повествования в отмеренных сроках» «Красное Колесо».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Кн. 4. М.: Время, 2008. С. 595.
- ² Солженицын А. «Стучит метроном неумолимо»: Страницы «Дневника Р-17» А. И. Солженицына публикуются впервые // Новая газета. 2018. 10 декабря (№ 137). С. 14.
- ³ Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 17–33. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1995. С. 224.
- ⁵ Солженицын А. И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // Новый мир. 1998. № 9. С. 94.
- ⁶ Там же. С. 93.
- ⁷ Там же. С. 94.
- ⁸ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 287.
- ⁹ Там же. С. 370.
- ¹⁰ Там же. С. 456.
- ¹¹ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 1... С. 223.
- ¹² Там же. С. 146.
- ¹³ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2... С. 192.
- ¹⁴ «Дневник Р-17» (1960–1991) написан А. И. Солженицыным по-русски, впервые полностью опубликован в 2018 году на французском языке в переводе Франсуазы Лесур под названием «Journal de La Roue rouge». На русском языке фрагменты «Дневника Р-17» выходили в отечественной периодике, полный оригинальный текст пока не напечатан.
- ¹⁵ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. С. 60.
- ¹⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁷ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8: Публицистика: На Западе. 1990–1994; В России. 1994–2003. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. С. 88–94.
- ¹⁸ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1... С. 382.
- ¹⁹ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Раковый корпус. М.: Время, 2012. С. 244.
- ²⁰ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. В круге первом. М.: Время, 2011. С. 38.
- ²¹ Там же. С. 327.
- ²² Soljénitsyne A. Journal de La Roue rouge / Traduit de russe par F. Lesourd. Paris: Fayard, 2018. P. 417.
- ²³ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8... С. 89–90.
- ²⁴ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14... С. 526.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 524.

- ²⁸ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7... С. 453.
²⁹ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2... С. 329.
³⁰ Solženitsyne A. Journal de La Roue rouge... P. 210.
³¹ Ibid. P. 181.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Солженицын: взгляд из XXI века: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г. / Сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. 624 с.
2. Герасимова Л. Е. О творчестве А. И. Солженицына // Герасимова Л. Е. Пунктирная линия жизни: Сб. ст. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. С. 5–57.
3. Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: Сб. ст. / Сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. 560 с.
4. Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001 гг. / Авт.-сост. Е. Б. Белодубровский. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 436 с.
5. Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сб. памяти: 1918–2008 / Сост., подгот. текста и общ. ред. Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2009. 480 с.
6. Фредриксон С. Солженицын // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: Альманах. Вып. 7. М.: Русский путь, 2019. С. 55–63.

Поступила в редакцию 14.02.2022; принята к публикации 20.05.2022

Original article

Gulnara M. Altynbaeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-5168-7138; altynbaevagm@sgu.ru

ALEXANDER SOLZHENITSYN'S "NOBEL LECTURE" AS HIS AESTHETIC CREDO

Abstract. The aim of the article is to present Alexander Solzhenitsyn's "Nobel Lecture" (1972) as an aesthetic key to his oeuvre. The novelty of the study is that it views Solzhenitsyn's "Nobel Lecture" as a central element of his meta-text for the first time. The paper provides a comparative analysis of Solzhenitsyn's "Nobel" statements, fragments of his journalistic speeches, the diary and literary texts written before and after receiving the Nobel Prize. The author of the article focuses on studying Solzhenitsyn's aesthetics and demonstrates how the writer translates his own "theoretical" understanding of the aesthetic literary tasks into some stable criteria for the assessment of other writers' works. The universality and subjectivity of Solzhenitsyn's criteria are inseparable: his artistic experience before and after the "Nobel Lecture" is diverse, deep, aesthetically and historically predictive, and unified in the consistent implementation of the stated credo. The research is based on Solzhenitsyn's journalistic and literary texts, as well as his diary. The presented research is important for understanding Solzhenitsyn's aesthetic principles and his metapoetics. It can help students, researchers and readers understand Solzhenitsyn's phenomenon.

Key words: Alexander Solzhenitsyn, "Nobel Lecture", "Diary R-17", writer's ethics and aesthetics, metapoetics

For citation: Altynbaeva, G. M. Alexander Solzhenitsyn's "Nobel Lecture" as his aesthetic credo. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):20–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.781

REFERENCES

1. Alexander Solzhenitsyn: a view from the XXI century: Proceedings of the international research conference commemorating the 100th anniversary of Solzhenitsyn. Moscow, December 10–12. (L. I. Saraskina, Comp.) Moscow, 2019. 624 p. (In Russ.)
2. Gerasimova, L. E. Alexander Solzhenitsyn's oeuvre. *Gerasimova, L. E. The dotted line of life: Collected works*. Saratov, 2018. P. 5–57. (In Russ.)
3. The life and oeuvre of Alexander Solzhenitsyn: on the way to The Red Wheel: Collected works. (L. I. Saraskina, Comp.) Moscow, 2013. 560 p. (In Russ.)
4. Nobel Prize in Literature. Laureates in 1901–2001. (E. B. Belodubrovsky, Comp.) St. Petersburg, 2003. 436 p. (In Russ.)
5. Solzhenitsyn's path in the context of the Great Time: Commemorative proceedings: 1918–2008. (L. I. Saraskina, Ed.) Moscow, 2009. 480 p. (In Russ.)
6. Fredrikson, S. Solzhenitsyn. *Solzhenitsyn's notebooks: Materials and studies: Almanac*. Vol. 7. Moscow, 2019. P. 55–63. (In Russ.)

Received: 14 February, 2022; accepted: 20 May, 2022